

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Андрей Захаров

Перекресток времен.
Новые россы

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-38

Захаров А. Н.

3-38 Перекресток времен. Новые россы: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 442 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1273-0

Никто из наших современников, решивших поехать отдохнуть на берега таинственного озера в Чернобыльской зоне отчуждения, не ожидал, что эта поездка так изменит их дальнейшую судьбу. Природный катаклизм, встреча с бойцами Красной армии, попавшими в окружение под Киевом в 1941 году, и с отрядом белогвардейцев из 1919 года, не входила в их планы. Но человек предполагает, а Бог располагает. Кто захотел испытать их, Бог или кто-то другой, собрав всех вместе и забросив в горы Южной Америки, в шестнадцатый век, в эпоху развала империи инков и завоевания ее испанскими конкистадорами, они не знали. Но испытания, выпавшие на их долю, заставили всех объединиться и начать новую жизнь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1273-0

© Захаров А. Н., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Автор не отвечает за достоверность изложенного и просит извинить его за случайные совпадения или несовпадения, ведь это же фантастика, выдумка...

Мещане поспешно скроются под скорлупу столь привычного им мира, когда столкнутся с мыслью о том, что наше прошлое, возможно, куда более таинственно и волнующе, чем наше будущее.

Эрик фон Деникен

ГЛАВА 1

Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей...

Александр Пушкин

Услышав звук открываемой входной двери, Макс оторвался от монитора компьютера:

— Батя, это ты?

— Да, Макс, я. Лариса не заходила?

— Даже не звонила. Она тебя беспокоит только тогда, когда ей нужно «для здоровья» или деньги.

— Ну ты неправ, брат. Может быть, у нее ко мне настоящее чувство и она хочет за меня замуж.

— Может быть... «Жираф большой, ему видней»...

— Макс, не хами.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Бать, ты есть будешь?

— Пока нет. Сейчас Олег Уваров подъедет, вместе и перекусим.

— А он что, в Киев приехал? Опять отмечать «встречу на Эльбе» будете?

— Позвонил час назад, сказал, что в Киеве по делам фирмы. А как ты догадался? — улыбнулся отец. — Поедем на природу, на рыбалку. Тебе полчаса на сборы. Время пошло!

— Бать, да ты че? Я не могу!

— А чем ты занимаешься? Опять «стрелялки» по компу гоняешь?

— Да нет. Информацию к курсовой готовлю. Ты ведь знаешь, я будущий архитектор, вот собираю все по сейсмостойкости.

— Так. Ничего не знаю. Сейчас август месяц. До учебы времени вагон и маленькая тележка. Успеешь. А нам с Олегом нужен трезвый водитель. Да и у бабушки Оли давно не был. На природе побываешь, воздухом подышишь, а то засел у компа, забыл, наверное, как живая рыба на тебя смотрит и хвостом дразнится. Так что бросай все. Ноги в руки, и вперед! Форма одежды номер «раз» — трусы и противогаз!

Макс нехотя выключил компьютер и поднялся из-за стола. Приказ командира — закон для подчиненного. С ролью дежурного водителя ему уже приходилось сталкиваться в прошлом году, когда он летом приезжал из Мадрида на каникулы к отцу в Киев.

Вообще-то Макс — Максим Николаевич Антоненко, девятнадцати лет от роду, — своего отца очень любил и дружил с ним по-настоящему, по-мужски, без соплей. Отношения между ними сложились простые, как говорил отец — «солдатские», честные и открытые. Поэтому Макс и называл его не папой, а батей, как его в свое время за глаза называли подчиненные.

Его отец, Антоненко Николай Тимофеевич, возрастом немного за сорок, подполковник Вооруженных сил Украины, бывший командир аэромобильного батальона, ранее проходивший службу в Афганистане командиром разведзвезда парашютно-десантного полка, в настоящий момент был военным пенсионером и работал директором небольшого магазинчика «Охота и рыбалка».

После второго ранения и госпиталя в Афганистан тогда еще старший лейтенант Антоненко не вернулся, а попал служить в Краснознаменный Киевский военный округ. Находясь в отпуске, решил поехать в славный город-герой Киев, людей посмотреть да себя показать. В кафе случайно познакомился с красивой девушкой. Маша была студенткой вуза, училась на преподавателя испанского языка. Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться.

После свадьбы молодожены поехали жить по месту службы Николая. Ютились в офицерском общежитии — «в минимальных условиях, приближенных к казарменным». Перед рождением Максима Маша поехала к родителям в Иванков, где и родила первенца. Назад она уже не вернулась, осталась у родителей.

Когда образовалась независимая Украина, Николая перевели служить поближе к Киеву. Вскоре они получили двухкомнатную квартиру на окраине столицы, что в те времена для военных его уровня считалось верхом удачи. К тому времени Маша уже закончила учебу и устроилась на совместное предприятие с иностранным инвестором. Каждый месяц жена приносила зарплату в два, а то и в три раза больше, чем его офицерское жалованье. Так они жили без особенных изменений до две тысячи четвертого года. Николай продвигался по службе, был назначен на должность командира аэромобильного отдельного батальона, получил звание подполковника. Уже были подготовлены документы на перевод в Министерство обороны Украины и на присвоение очередного звания, как вдруг грянула «оранжевая революция», которая круто изменила все. За то, что подполковник Антоненко держал свой отдельный батальон «в полной боевой готовности» и поддерживал «не того» кандидата в Президенты Украины, ему было «рекомендовано» выйти на пенсию, благо выслуга лет позволяла. Это был удар судьбы. Нормальный здоровый мужик, как говорил Карлсон — «мужчина в полном расцвете сил», и вдруг не у дел. Николай запил.

Жена сначала терпела, затем начались скандалы, в результате которых они не разговаривали неделями. В апреле две тысячи пятого года Маша официально заявила, что уходит от него, так как полюбила другого мужчину. Разошлись. По обоюдному согласию квартира осталась Николаю.

В том же году Мария уехала в Испанию, где вышла замуж за испанского бизнесмена, одного из инвесторов их компании. Теперь она жила в Мадриде вместе с Максимом и Исабель, маленькой дочерью от второго мужа.

Николай бросил пить и вообще решил заняться собой. Стал посещать спортивно-оздоровительный комплекс, со временем снова превратился в крепкого здорового мужчину, но с седой на висках. Даже молодые женщины стали на него заглядываться. В общем, жизнь начала налаживаться.

Максим уже второй год приезжал к отцу на каникулы. Он учился в Политехническом университете Мадрида на архитектора, увлекался скалолазанием и боевым самбо. За это время изучил английский и португальский языки. Вторым «родным» — испанским — мама занималась с ним с детства,

поэтому при переезде в Испанию проблем с языком он не испытывал.

Он был копией отца. Такой же высокий, светловолосый и голубоглазый. Да и характер такой же боевой. В прошлом году пришлось даже показать все свои боевые качества, привитые отцом. В соседней кафешке пьяные кавказцы пристали к девочкам, так он отметелил двоих и «не жужжал». Как говорил его батя: «В нашем деле главное — вовремя смыться. Виноват не потому, что побил, а потому, что попался». Макс не попался. Нет, вернее, он попал, но не в милицию, а к девочкам на банкет, в их общежитие. Как тогда пришел домой, не помнил, но был весь в губной помаде и пропах приятными дамскими духами.

Подойдя к шкафу, Макс принялся искать охотничий камуфляж — подарок отца. Быстро одевшись, с удивлением отметил, что форма стала сидеть на нем плотнее. «Расту. Форма украшает настоящего мужчину. И зачем я послушал мать и поступил на архитектурный? Армия — вот моя стезя».

— Бать, а где мои берцы?

— Посмотри на балконе. Да, сходи в гараж, загрузи в джип все для рыбалки с ночевкой. Ключи на тумбе у дверей. А я сейчас оружие и боекомплект подготовлю. Оружие, как женщина, любит ласку и смазку.

У Николая был охотничий карабин «Тигр», переделанный из самозарядной снайперской винтовки СВД с оптическим прицелом.

Выходя из квартиры, Максим чуть не столкнулся нос к носу с другом отца Олегом Уваровым.

— Здравия желаю, дядя Олег!

— Будь здоров, боярин! Как настроение?

— Готов к труду и обороне!

— Молодца!

С Олегом Васильевичем Уваровым Макс познакомился прошлой зимой. Тогда Уваров тоже был в командировке в Киеве и заехал к своему боевому другу. Ввиду отсутствия благоприятных погодных условий «встреча на Эльбе» проходила в квартире Николая. Уваров Максу понравился. Он был среднего роста, темноволосый, с серыми глазами, которые всегда смотрели на собеседника с хитрецей. Для своего возраста в

сорок с хвостиком Олег Васильевич выглядел молодо, был жилистым, подтянутым, без лишнего веса.

Уваров, как и отец, воевал в Афганистане. С Николаем их свел случай. Как-то группа Уварова попала в засаду и по радиации запросила помощи. На выручку вылетел взвод под командой Антоненко. В том бою оба были ранены. Вместе лежали в госпитале, в одной палате, так и подружились. После лечения их пути разошлись. Увиделись они случайно на одной из встреч афганцев. И теперь каждый раз, когда Олег приезжал в Киев, он обязательно заходил к Николаю. В настоящее время Уваров жил в Харькове, работал замдиректора предприятия. Был женат и имел дочь.

— Ну как дела, Олежка? Все вопросы порешал? Али оставил напоследок?

— Да вроде бы все. Думал, за два дня не справлюсь, а тут так подфартило, что все на месте оказались: и представитель покупателя, и посредник из чиновников. Правда, гад, много запросил, но для нас главное — сроки... Ну ладно. Не будем о грустном. А ты Яниса приглашать будешь?

— Грех не пригласить хорошего человека выпить на природе. Тем более что в этом деле он мастер. Не в смысле выпить, а в смысле подготовки всевозможных настоек, но и первое тоже проходит. Да и «док» нам не помешает, мало ли чего...

Сосед Антоненко, Баюлис Янис Людвигович, был закоренелым холостяком, хотя ему уже стукнуло пятьдесят лет. Отец его — литовец, а мать — украинка, но характером он пошел точно не в спокойного отца-прибалта. Чуть выше среднего роста, немного полноватый, с небольшой лысиной на макушке, Янис Людвигович выглядел моложе своих лет. Работал врачом-хирургом одной из больниц Киева. Врачебная практика у Баюлиса была большая, вся элита общества старалась лечиться у него. Но как говорится, в тихом болоте черти водятся. Имел Янис Людвигович три страсти: любил женщин, выпить немного и трубочку покурить с хорошим табачком. Если с женщинами у него получалось более-менее, то второе — получалось всегда. При этом Баюлис старался не покупать спиртное в магазине, ходил на рынок, постоянно шушукаясь с бабками насчет различных трав и настоек. После таких посещений у него в квартире неизменно появля-

лись новые бутылки с различными «божественными» напитками. Но все вышеописанное было до того момента, когда он заходил в операционную. Перед каждой операцией Баюлис превращался в другого человека, властного, порой даже жесткого по отношению к коллегам, а тем более к себе.

Николай взял мобильный телефон и набрал знакомый номер.

— Людвигович? Привет. Это Антоненко. Ты сейчас где, можешь говорить? Какие планы на выходные? Есть мысль — побыть дикарями на природе два денька. Как ты, одобряем-с? Нет, без женщин. Одни мужики. Все свои: я, сын да Олег из Харькова подкатил. Вот и вся гоп-компания. Согласен? Вот и чудненько. Только своего зелья прихвати, Олега угостишь. Ну ладно, ладно! Не зелья, а божественного нектара. Все, хоп!

— Ну что, будет?

— Конечно. Ты Яниса плохо знаешь. Для него вырваться из Киева на природу — праздник души и тела, тем более с ночевкой. Уже домой на такси едет. Сколько живет, а своим транспортом не обзавелся. Так. Теперь тебя приодеть надоть. Жалко, мелковат ты, у нас все кольчужки размерчиком-то побольше будут, чем ваша фигура. Ничего, что-нибудь придумаем.

С этими словами Антоненко-старший подошел к шкафу и, окинув взглядом всю имеющуюся там форму, с сожалением покачал головой:

— Да, брат. Чого нэма, того нэма. Придется в магазин заезжать. Там затаримся.

— Да ладно. Обойдусь как-нибудь.

— Я вам дам «как-нибудь», товарищ военный! Это вам не груши в чужом саду тырить! Это святое — рыбалка!! Форма одежды — залог успеха любого дела. Там же лес, озеро, комары. Да и светиться меньше будешь. Главное для нашего брата — не демаскировать себя, а слиться с местностью, незаметно подобраться к супостату и по темечку его, по темечку... Сам же знаешь, не мне тебя учить. Вспомни былое.

— Да, были времена... Как в поговорке: раньше были времена, а теперь — мгновения, раньше поднимался хрен, а теперь — давление!

— Ладно, Олежка, не прибедняйся. Ты любому двадцатилетнему фору дашь.

— Лучше бы двадцатилетней, и не фору, а что получше!

— Эка, брат, вас понесло! Меня терзают смутные сомнения! Не изменяете ли вы жене своей?

— Что ты, окстись, богохульник! Жена — это святое! Но всякое бывает в этой жизни. Кто не без греха! Поэтому и в церковь иногда захожу. Ха-ха! Да ты не на рыбалку, а на войну собираешься!

— Что рыбалка, что война. Меня уже не переделаешь. Старый пенек. Привычка — вторая натура.

Так, весело переговариваясь и подшучивая друг над другом, они начали готовить вещи, необходимые для рыбалки с ночевкой. Антоненко собрал карабин, надев на него чехол, достал свой любимый старый надежный рюкзак десантника, положил в него патроны, магазины к карабину и пару боевых ножей.

Пока отцы-командиры осуществляли сборы в квартире, Макс отправился к гаражу. В гараже стоял личный батин джип. Нет, не крутая иномарка, при виде которого гаишники чуть ли не честь отдают, а наш, настоящий — военный. Командирский родной УАЗ, полноприводный, с мягким тентовым верхом и задним откидным бортом, с лебедкой под передним бампером.

Когда Антоненко-старшего провожали на пенсию, то подчиненные и друзья сделали ему такой подарок. На этом УАЗе Николай не раз выезжал на полигон и в снег, и в дождь. Машина проходила там, где какой-нибудь «иностранец» такого же класса уже давно бы «засел» или поломался. Эта машина — память о службе. Николай ласково называл его «мой Бобик», автомобиль отвечал той же верностью, что и преданная хозяину собака, пусть и дворняга. Слушался во всем, был легок в управлении и неприхотлив. Короче, истинно наш народный джип.

Загрузив в уазик все необходимое, Макс подогнал машину к подъезду. Поздоровавшись с бабушками-соседками, вечно сидящими на скамейке и контролирующими всю жизнь дома, помахивая ключами, поднялся на этаж и на площадке увидел дядю Яниса, заходящего в свою квартиру.

— Добрый день, Янис Людвигович! Вы с нами?

— Здравствуйте, юноша! А куда вы без меня с подводной лодки денетесь. Кто твоего отца сначала поить, а потом ле-

чить будет. Скажи, что я сейчас буду. Возьму только все необходимое. Место в багажнике, надеюсь, найдется?

— А как же, дядя Янис. Без вас мы никуда. Машина у подъезда. Заходите, я дверь закрывать не буду.

Дома Макс отрапортовал:

— Разрешите доложить, товарищ подполковник. Автомобиль укомплектован и подан к подъезду. Осталось бензином заправить, а то четверть бака только. Видел дядю Яниса, он уже у себя, сейчас к нам придет.

— Вольно, боец Антоненко. Бушлаты взял? А то ночью уже прохладно.

— Да. Но там только три... И лодку с сетью тоже прихватил.

— Ничего, у Яниса своя куртка теплая есть. Пошли на кухню, червячка на дорожку заморим.

Пока они возились на кухне, пришел Баюлис. На правом плече у доктора висела средних размеров сумка-чемоданчик с красным крестом в белом кругу. Левую руку он держал за спиной, видно, что-то прятал.

— Здравствуйтесь, господа-товарищи!

— Добрый день, господин народный врачеватель! Как сегодня, много людей порезали или кто сбежать от вас успел?

— Ну и шуточки, Николай! Во-первых, я не режу, а делаю операции, кстати, во благо самих больных. А во-вторых, если вы не прекратите так шутить, я обижусь и не дам попробовать мое новое творение, рецепт которого мне по секрету сообщила незабвенная Клавдия Михайловна, торговка лечебной травкой с нашего рынка. Ну просто, как говорит нынешняя молодежь, не напиток, а отпад, вкус специфический... После него, кстати, наутро ничего не болит в отличие от магазинных подделок.

— А много ли у вас этого божественного напитка?

— Ну на наши скромные посиделки я прихватил всего ничего... Так, маленькую баночку... литров на...

При этом Янис Людвигович с удовольствием на лице представил на обозрение пятилитровую пластиковую канистру.

— Ну! Вы наш спаситель! А то мы с Олегом уже подумали, что опять казенкой травиться будем. Беру свои нехорошие слова про «резать» обратно и дико извиняюсь. А сейчас приглашаю всех к столу отведать прекрасный напиток и за-

кусить чем бог послал из холодильника. Так, Макс, ты сегодня за рулем, сам понимаешь.

Николай, взяв у Баюлиса канистру, быстро разлил по чашкам жидкость. По кухне прошелся незабываемый аромат, включивший в себя запахи трав Киевской области.

— Ну, за рыбалку!

— Пейте не сразу, почувствуйте, какой запах...

Выпив по чашечке, каждый крякнул: лепота... одобрямс... есчо хочу...

— Все. Боец Антоненко, время «Ч»?

— Семнадцать часов, девять минут ... августа две тысячи ... года. Все готово, герр комендант, можем приступить к выполнению задания.

— Так. Сначала едем ко мне в магазин, затем на заправку и в Иванков к теще. Проверить всем документы: мало ли что — в Зону едем. Макс, не забудь свои права. Все! По коням!

— Яволь, герр штандартенфюрер!

Собрав приготовленные вещи, все веселой гурьбой вышли из квартиры.

На магазин ушло не больше пятнадцати минут. Быстро подобрали Олегу охотничий камуфляжный костюм и соответствующие высокие ботинки. От шляпы или кепи он отказался, взяв себе бандану защитного цвета. Зато всем остальным и себе в том числе Николай надел на голову по пятнистой зеленой панаме. Свою одежду Олег сложил в пакет, который решили оставить в Иванкове у тещи Николая. Все это, вопреки протестам Олега, Николай записал на свой счет. Затем заехали в продуктовый супермаркет, где купили нужные для ухи продукты, приправы и два каравая ржаного хлеба. Николай также прихватил литровую бутылку водки популярной фирмы, палку колбасы, сыра и другие деликатесы. На удивленный вопрос Олега: «Для чего это, ведь у нас свое есть?» — Николай ответил: «Для ребят на посту, чтобы нас пропустили». После магазина заехали на заправку, заправили полный бак бензина и взяли курс на Иванков через Дымер.

В Иванков въехали уже около восьми часов вечера.

Как только Макс вышел из автомобиля, сразу же попал в нежные объятия родной бабушки. Она поцеловала его в губы и в обе щеки, погладила по рукам и спине, в общем, совершила ту процедуру, которой подвержены абсолютно все ба-

бушки при встрече долгожданного и любимого внука. При этом бывшая теща не забыла поцеловать Николая, а заодно и Яниса, давно ей знакомого. Николай представил Олега как своего боевого товарища, сообщил цель их прибытия, и они вместе зашли в дом.

На следующее утро, позавтракав, компания еще раз проверила амуницию, необходимые принадлежности для отдыха и рыбалки. На прощание расцеловавшись с Ольгой Ивановной, пообещав ей заехать на обратном пути, они расселись по своим местам в машине и выехали со двора в сторону села Дитятки.

Не успел узик подъехать к шлагбауму, как из здания поста вышел милиционер с погонами капитана, на левом плече у него висел автомат АКСУ, а справа на поясе была кобура с пистолетом. Увидев его, Николай вылез из машины, и, подойдя друг к другу, мужчины обнялись как старые знакомые, между которыми были действительно дружеские отношения. Антоненко-старший, обернувшись к автомобилю, махнул рукой, приглашая всех выйти.

— Вот, Олег, познакомься. Это Сергей Владимирович Коваленок, начальник КПП «Дитятки». Это мой афганский друг — Олег Васильевич Уваров из Харькова. Ну Макса ты с рождения знаешь и с Янисом Людвиговичем тоже знаком.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Также Коваленок ответил на рукопожатие Максима и Баюлиса.

— Зачем же так официально, Николай Тимофеевич? Сразу же и начальник! Можно просто — Сергей!

— Это когда мы с тобой за столом белый чай из рюмок пить будем, тогда можно и Сергей! А сейчас ты при исполнении, слуга государев, тому и по чину величать треба!

— Ну хорошо, уговорили. Прошу всех пройти на пост, зарегистрироваться надо и пропуска временные выписать. Документы при всех есть?

— Обижает, начальник! Сюда, да и без документов... Знаемо порядок, не впервой замуж бегаем.

Из здания поста вышел еще один молодой милиционер, но уже с погонами прапорщика.

— Здравия желаю, Николай Тимофеевич!

— Здравствуй, Толя! Как жизнь молодая, еще не женился?

— Да нет, рановато пока. Хочется погулять маленько.

— Смотри, хватит уже девок портить, а то все раньше времени замуж повыскакивают, тебе и не достанется.

— Ничего, этого добра на мой век хватит.

— Толя, посмотри пока тут, а мы зарегистрируемся.

— Все хок'кей, босс.

Войдя внутрь, они отдали свои документы капитану милиции. В соседней комнате на кровати спал еще один милиционер, но полностью его разглядеть не удалось. Видно, спал крепко, так как на шум никак не среагировал.

— Так, Николай Тимофеевич, запишем всех вас как экологов. У нас они на прошлой неделе как раз ездили в тот район на Ведьмин кут. Все данные для этого имеются. Мы меняемся в девять часов, так что я ребятам скажу о вас. Меня меняет Саша Поздняк, да вы его знаете, мой кум, сына моего крестил, вы на крестинах вместе с ним пили и песни десантные пели. Когда домой собираетесь?

— Знаю Сашка. Парень — настоящий десантник. Домой поедем завтра с утра, ну, может быть, до обеда. Вон Олегу вечером на поезд надо, да и к Ольге Ивановне заскочить обещали. Хорошо, регистрируй нас экологами, будем за флорой и фауной Зоны наблюдать. Ха-ха!

— А это что у вас, Олег Васильевич, за удостоверение такое: «...Капитан государственной безопасности Уваров Олег Васильевич... состоит на должности оперуполномоченного особой группы при наркоме внутренних дел СССР... подписал первый зам. народного комиссара внутренних дел СССР В. Н. Меркулов...» Ваша фотография в старой форме с тремя шпалами в петлице и без погон... «Действительно по девятое мая сорок пятого года...» Нехило! Что за шутка такая?

— Вот черт! Из портмоне выложил, а оно в паспорт попало. Да то у нас на предприятии ребята-компьютерщики прикальвались, понакачивали из Интернета информации, в фотшоппе мое фото смонтировали и наделали, шутки ради, всем работникам такие удостоверения. У нас в Харькове такие ксивы на любом углу продают. Мне вот это сделали, а директору вообще — наркома промышленности и вооружения СССР. Вот оглоеды...

— А как настоящее, с мокрой печатью, подписями и все такое... А звание капитан госбезопасности как к армейскому приравнивается?

— Ну если сравнивать, к примеру, с сорок первым годом, то это армейский подполковник. Я уже плохо помню, читал когда-то про войну книжки, вот и запомнил.

— Слава богу, что сейчас не война... Ну что ж, Николай Тимофеевич, все готово. Можете ехать отдыхать. Да, вот тут экологи какой-то свой прибор забыли. Вы его возьмите на всякий случай, вдруг какой дурак из верхов с проверкой придет. Сделаете вид, что действительно проверяете экологию. Мало ли что. Желаю хорошо отдохнуть, дорогу знаете.

— Знаем, Сережа, спасибо. Макс, сбегай в машину, принеси корзинку... Это вам и ребятам-сменщикам от нас.

Снова расселись по своим местам в автомобиле. Дежуривший на улице прапорщик милиции поднял шлагбаум, и машина лихо рванула с места вперед. Отъехав от КПП пару километров, свернули на проселочную грунтовку, ведущую в густой лесной массив. Далее прокладывали путь уже по малонаезженной лесной тропке.

— Так, Макс! Не забыл еще, где свернуть? Вон видишь большой старый дуб, до него метров десять не доезжаешь, в кустах поворот налево... Так, сюда... Прямо...

Проехали еще около пары сотен метров. Вдруг прямо перед ними из-за плотно стоящих деревьев и кустарника открылось небольшое лесное озеро, по форме напоминающее след человеческой ноги, обутой в сапог или ботинок. Их автомобиль выехал как раз на «каблук». Налево и направо вдоль берегов, на расстоянии не более десяти метров от кромки воды, виднелись небольшие дорожки. Было件нятно, что сюда приезжают люди на машинах, правда, нечасто, так как дорожки были не слишком укатанными.

— Теперь еще поворот налево и на наше место... Вот на эту полянку. Все... Приехали... Выходи строиться... Выгружай багаж...

Автомобиль остановился на небольшой поляне, расположенной в паре десятков метров от воды. Отсюда открывались чудесные природные места, еще не испорченные человеком. Вернее, присутствие здесь людей было件заметно по плешинам от костров, но не так сильно, как в близлежащих к населенным пунктам посадках и лесках. Все вокруг было件зелено от часто стоящих деревьев, из-за листвы и кустарника в пяти метрах уже ничего не было件видно. Вода в озере была

настолько прозрачной, что можно было разглядеть рыбу, плавающую на глубине. Воздух был чистым, слышался веселый перелив птичьих голосов, успокаивающий шум леса, плеск рыбы в воде... Какая радиация, какой взрыв на атомной станции? Как будто этого и не было. Рай на земле, да и только...

Озеро было примерно около пятисот метров в длину и триста в ширину в самом широком месте. В «носке» озерцо переходило в болотистую местность, это было видно по камышу, плотно растущему в той стороне. От их полянки до противоположного берега было не более ста метров. Деревья росли так плотно друг к другу, что было почти невозможно разглядеть того, кто находился на том берегу.

— Коль! Посмотри, какая красотища-то! Лепота! Ущипни меня, не сон ли это? Это кругом так?

— Да нет, не кругом. Примерно на расстоянии триста метров от берега по периметру озера. А дальше без такой плотности обычный лес.

— А почему называется Ведьмин кут?

— Понимаешь, Олежка. Я ведь не местный, толком мало что знаю. Мне это место покойный тесть показал. Рыбалка здесь больно хороша. Все водится, и в больших размерах. Вода чистая прямо как слеза, хотя и не проточная. Пить можно, и живот болеть не будет. Озеро хоть небольшое, но глубокое. Родники со дна бьют. Но купаться не рекомендую. Вода уж больно холодна, даже в жару. Тесть у меня ведь местный, из Дитяток. Да и известным краеведом в районе был. Рассказывал, легенда есть, что в старину на месте этого озера было языческое капище, наши пращуры богам разным молились. Потом за что-то боги прогневались и наказали людей, ударили молниями, и на месте капища образовалось озеро. А идолы богов ушли на дно. Там, говорят, до сих пор есть какие-то сооружения, но толком их никто не видел, так как все заросло. А Ведьминым кутом этот участок леса с озером называется потому, что он не такой, как все вокруг. Сам, наверное, заметил, когда подъезжали сюда. Деревья не такие, хотя породы вроде бы одинаковые, но все равно разница в глаза бросается. Здесь более крупные, да и кусты больше. Почва немного другая, смотри, какая трава... Ты такую траву в другом месте видел? И что интересно, на картах разных времен озеро то есть, то его нет. Видел я фотоснимок этого района, сделан-

ный из космоса, а озера-то на нем и нет! Есть только темное пятно, выделяющееся на общем фоне зеленого леса. Карта картой, но озеро-то есть! Вот оно! Правда, старики говорили, что иногда здесь совершаются чудеса непонятные. Бывали года, что озеро заболачивалось и исчезало. Видишь остатки болота на той стороне? Бывало и такое, что невозможно было к воде подойти, так серой воняло. Люди иногда здесь пропадали. Вон в Гражданскую войну, в девятнадцатом году, говорят, тут целый отряд белогвардейцев пропал. В лес зашли, а обратно не вышли. Дорога лесная, по которой мы сюда приехали, ведь напрямую к Чернобылю идет, где мост через реку Припять. Все это якобы ведьма ворожит, которая утопла здесь еще с незапамятных времен, со Средних веков, что ли, правда, ее никто никогда не видел и имени не знает. Поэтому и называли этот угол Ведьминым кутом. В восемьдесят шестом году, как раз перед аварией на атомной станции, два местных мужика, алкашики, сюда на рыбалку пришли с ночевкой. Так на следующее утро их еле нашли, оба умом тронулись, прожили потом пару месяцев и в ящик сыграли один за другим. Все твердили, что с НЛО встретились и их чуть не забрали на небо. Вот местные и боятся сюда приходить. Не боятся только дураки и экстремалы. Вот как мы. Ладно, давай палатку ставить. Людвигович! Возьми топор, наруби, пожалуйста, веток для костра. А ты, Макс, поставь машину под деревья, в кусты, и замаскируй, чтобы с вертушки не было видно, а то действительно какой-нибудь начальник с проверкой пролетит, — командовал Николай.

Как положено, всякий отдых, а тем более рыбалка с ночевкой должны начинаться с организации быта.

— Палатку будем ставить как в прошлый раз. Подальше от берега. А то комары, ночью у воды прохладно, да и чтобы в темноте в воду не сигануть. Понесли ее, Олег, в ту сторону, видишь, вон плешина от нашего прошлогоднего костра осталась.

— А зверье здесь водится?

— А как же. Всего полно, ведь места эти теперь дикими считаются. Есть и хищники, опасные для человека: рысь, волк, бывает, что медведь иногда заходит, но его мало кто видел. Змей хватает, так что под ноги смотри внимательнее. Но хуже зверья эти придурки — сталкеры, нелегальный сброд. В Зо-

не таких достаточно: охотники за металлом и стройматериалом, грибники, браконьеры, беглые уголовники, иногда «новые украинцы» да чиновничье разное крутое оттопыриться сюда приезжают. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. Другое дело — человек. В таком лесу один Бог свидетель, и потому человек, завидевший другого, прежде всего должен спрятаться и приготовить ружьишко. Вот такие здесь, брат, дела. Так что эсвэдэшка нам не помешает.

Когда все было готово и весело начал разгораться небольшой костерок, Николай открыл тормозок, переданный любимой тещей, и предложил выпить за удачное начало «встречи друзей на Эльбе». Все как будто бы ждали команду, засуетились, принялись быстренько накрывать импровизированный стол. Когда закуска была готова, Баюлис торжественным жестом извлек свою канистру с «божественным напитком»:

— А тара где? Куда наливать-то?

— О, Санта Мария! Забыл достать из котелков кружки. Уно моменто! — извинился Макс.

Наконец наступил торжественный момент.

— Ну, за встречу друзей и за рыбалку!

— За культурный отдых на природе!

— Будьмо!

Выпили, закусили. И жизнь хороша, и жить хорошо, а у нас и того лучше...

Николай достал ножи и протянул один Уварову:

— На, Олечка. Когда первую рыбку поймаем, наша с тобой привилегия ее почистить. А Янис будет уху варить. Правильно я говорю, Людвигович?

— Да. Я с детства рыбу чистить не люблю, но уху готовить умею.

— Все. Олег, берем удочки, снаряжаемся за рыбой. Макс, где черви? Да, пока мы будем рыбачить, заряди-ка ты карабин. Мало ли что.

Уваров повесил ножны на пояс, затем лихо выхватил нож и сделал им несколько быстрых движений, имитируя ножевой бой. Вдруг остановился. Усмехнувшись, о чем-то подумал и вернул нож в ножны.

Наладив удочки, друзья разобрали костюмы химзащиты,

надели прорезиненные штаны с сапогами и пошли рыбачить.

Ловись, рыбка, большая, маленькая. Побольше и почаще!

Пока рыбаки, стоя по колено в воде, ловили рыбу, Баюлис установил над костром треногу и водрузил на нее котел с водой. Затем пошел в лес собирать сухие ветки для костра. Макс также не остался без работы. Достал из машины карабин, из РД пачку патронов, набил ими оба магазина, вставив один в карабин, предварительно, как учил отец, постучав по нему ребром ладони, чтобы патроны встали на свои места и не было перекоса. Карабин положил в палатку, прикрыв его одеялом. После чего отправился в лес помогать дяде Янису.

Не прошло и получаса, как в ведре уже плескалось несколько рыбин. Николай предложил Олегу выйти на берег и разделать улов для уха, что и было сделано. После чистки рыбы еще раз выпили за первый удачный улов. Костер уже пылал всюю, вода в котле начинала закипать, так что рыба была приготовлена вовремя. По указанию отца Макс достал из машины ножной насос и лодку. Все стали по очереди ее накачивать. (Ну и чтобы Максу не было так обидно, а то все он да он, как самый молодой боец. У нас дедовщины нет. Ну почти нет.) От физических упражнений для ног был освобожден только Баюлис, колдующий над ухой.

— Ну-с, господа-товарищи, уха готова. Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!

Быстро разлив содержимое котла по котелкам, сказав тост за умение повара варить уху и выпив, проголодавшаяся компания принялась работать ложками.

Был полдень. Солнце стояло высоко, ласково прогревая до последней косточки. По закону Архимеда, после вкусного обеда полагалось поспать. Что и было исполнено. Максим немного устал за сегодняшний день: рано встал и не выспался. Он решил расположиться в палатке.

Отцы-командиры и Баюлис остались у костра, рассказывая друг другу анекдоты и периодически маленькими глотками попивая напиток из солдатских кружек. Всю жизнь бы так отдыхать, и зачем нам эти Канары!

Вокруг была тишина. Блаженство спать на природе, на свежем воздухе, когда ничего не мешает, а наоборот, лесной шелест убаюкивает...

Проснулся Макс от непонятного шума. Вернее, звук-то был знакомый, но спросонья он не сразу это понял. Встряхнув головой, чтобы быстрее прогнать сон, Макс прислушался. Ах вот что это такое! Рядом тихо работал двигатель автомобиля. «Это что, батя собрался куда-то без меня ехать? Да нет. Движок-то не наш, не уазовский работает. Что-то тут не так». Максим осторожно раздвинул края палатки. Недалеко от костра стоял большой темно-вишневый «форд-пикап». Водительское стекло было приопущено, за рулем сидел мужчина с короткой прической. Ближе к берегу припарковался второй джип — серый «лексус», все двери которого были открыты, за рулем также находился водитель. Между костром и берегом прохаживались трое неизвестных Максиму мужчин средних лет, одетых для отдыха на природе. Один из них был без куртки, что позволяло видеть плечевую кобуру с пистолетом. Баюлис с напряженным лицом стоял у костра с топором в руках. Незнакомцы старались держаться от него на расстоянии. Кинув взгляд в сторону озера, Макс увидел лодку, находящуюся почти на середине. Отец сидел спиной и быстро работал веслами. С каждым его гребком лодка приближалась чуть ли не на два метра к берегу. Сидящий напротив него Уваров был спокоен, он бросал отцу короткие фразы.

«Дело пахнет керосином», — подумал Макс и решил достать карабин.

Как только лодка коснулась берега, один из мужчин, с пухлым холеным лицом и небольшим брюшком, крикнул приказным тоном:

— Эй, мужики! А ну валите отсюда, это наше место. Мы сегодня с друзьями здесь отдыхать будем. И уберите своего придурка с топором. А то пулю в лоб, а тело в воду. Не испытывайте мое терпение.

— А ты это место купил, что ли? Мы сюда первыми приехали и никуда не уедем. Мы — экологи, природу здесь изучаем.

— Да ты еще борзеешь, козел! Ну все, ты попал, выходи на берег! Сейчас в жмура сыграешь!

Максим увидел, как вооруженный чужак выхватил из кобуры пистолет и навел его на отца. «Все, медлить нельзя. Как учил батя, напор и наглость — вот составляющие победы в бою», — подумал Макс и подтянул к себе эсвэдэшку. Он вы-

скочил из палатки, заняв позицию, при которой ему хорошо было видно всех присутствующих на поляне, резко передернул затвор, направив карабин на незнакомцев, и крикнул:

— А ну, сука, бросай ствол, а то сейчас сам жмуром станешь!

На звук клацнувшего затвора, а особенно на угрожающие слова все головы повернулись в сторону Максима.

— Ты шо, пацан, оборзел? А ну брось берданку, а то сейчас штаны спущу и по заднице.

Макс понял: если сейчас он не сделает что-то такое неординарное, что заставит незваных гостей понять серьезность его намерений, то отцу с Уваровым потом несдобровать. И он решился. Подняв ствол карабина немного выше голов чужаков, Макс нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Пулей перебило ветку на дереве, под которым стоял «лексус», и она упала на капот.

— Э, паря! Ты это чего... Пошутили мы... Успокойся...

— Ствол — в сторону, морду — в землю, считаю до трех и начинаю мочить всех. Раз... Два...

Незнакомец начал медленно опускаться на землю, отбросив пистолет в сторону, но недалеко от себя. Двое других стояли как замороженные. У одного из них, худощавого рыжеволосого мужчины, началась икота.

Отец с Уваровым вышли на берег и приблизились.

В этот момент из кабины «форда» раздался женский крик:

— Ой, мамочки!

Крик отвлек Максима. Он дернул головой в сторону машины. Воспользовавшись этим, бывший вооруженный попытался дотянуться до пистолета, но на него уже прыгнул Николай, прижав телом к земле и одновременно приставив нож к горлу: «Дернешься — зарежу!» Холеному также не повезло. Уваров, оказавшись за спиной, опрокинул его на траву, приставив нож к шее.

— Товарищ подполковник, стойте. Николай Тимофеевич, не надо! — Из пикапа выскочил водитель и поднял руки. — Это я, Нечипоренко Алексей, командиром второй роты у вас в батальоне был. Мы нормальные. Не блатные. Отпустите их... Пожалуйста.

Антоненко-старший, взглянув на говорившего, хватку не

освободил. Его нож по-прежнему был прижат к шее незнакомца.

— Лешка, ты, что ли? Что здесь делаешь и что за пташки с тобой?

— Я, Николай Тимофеевич, я. Отдохнуть в Зону приехали. Тот, что под вами, мой шеф — Кожемяка Павел Сергеевич, начальник охраны. Кого ваш друг держит — босс — Слащенко Игорь Леонидович, хозяин нашей туристической фирмы.

— А этот рыжий доходяга, что икает?

— Это Питер ван Лайден, голландец, компаньон нашего босса по бизнесу. Он по-русски плохо понимает. Мы его сюда на экскурсию привезли, очень уж хотел на Чернобыльскую зону посмотреть.

— Ладно, быть добру. Покажем ему наше радушие и гостеприимство!

Николай, убрав нож, поднял пистолет и встал с Кожемяки, протянув ему руку:

— Ну что, горе-войка, давай помогу подняться. Извини, что помял немного, но пистолет я на всякий случай разряжу. — При этом он ловко вынул обойму из рукоятки и перевернул затвор. — Макс, опусти карабин. Мир у нас.

— И вы меня извините, товарищ подполковник, за козла. Я ведь не знал, кто вы. Мне раньше о вас Алексей много рассказывал. Уважаю. Разрешите представиться, капитан запаса Павел Кожемяка, морская пехота, Черноморский флот. Ну и хватка у вас. Все кости болят.

— Ничего, проехали. Олег, помоги своему клиенту, а то он еле дышит. А ты, Янис, посмотри голландца, как бы у него крыша не поехала, испужался он больно. Видишь, как икалка напала.

Из «лексуса» вышел пожилой водитель. В руках он держал пластиковую бутылку с водой. Мужчина достал из кармана таблетки и протянул их Слащенко, затем подал бутылку:

— Сердце у него, нервничать нельзя. А тут такое... Емельяненко я, Николай Яковлевич. Тоже на фирме работаю. Водителем. Из этих мест родом. А вы случайно не зять Петра Ефимовича, учителя нашего? Видел я вас как-то вдвоем. Его-то детей, Валентина и Машу, я с детства знаю. Мы с Ефимовичем раньше на одной улице жили, а затем он в Иванков переехал. Только на кладбище у наших родителей и встреча-

лись раз в году. Это голландец нас упробил в Зону поехать, узнав, что я местный. Экзотики ему захотелось, дома похвастаться, что в самом Чернобыле был. Вот наш босс и решил его сюда привезти, заодно и отметить встречу на природе, будь она неладна... Отметим, называется, трошки не обделались.

— А-а... Я вас тоже вспомнил. Действительно, как-то вместе поминали на кладбище. Ну здравствуйте, Николай Яковлевич. А как вы через КПП проехали?

— Так я же местный. Много разных партизанских троп знаю. Мы в обход и проехали.

Баюлис, подойдя к голландцу, с улыбкой на лице предложил ему выпить из кружки, которую заботливо придерживал двумя руками. В это время из пикапа выскочили две девушки, на вид немного старше двадцати лет. Обе были среднего роста. Одна — немного полноватая блондинка с длинными, чуть ли не до пояса, волосами, другая — стройная брюнетка с короткой прической. Одеты девушки были соблазнительно — в яркие футболки с голыми животиками и обтягивающие короткие джинсики, обуты в легкие кроссовки. Толкая друг друга, они бросились к Слащенко, при этом каждая зыркнула на Уварова ненавидящим взглядом:

— Как вы, Игорь Леонидович? Как сердце? Успокойтесь, пожалуйста! Все хорошо!

Голландец уже немного пришел в себя и сделал несколько больших глотков из заботливо подставленной Баюлисом солдатской кружки. Резко прекратив икать, ван Лайден широко открыл рот, выпучил глаза и стал энергично махать руками, показывая, что ему надо срочно запить. Емельяненко не растерялся и протянул ему бутылку с водой.

— Чорт возмы...

— Людвигович, ты чего это ему дал, свой настой, что ли?

— Конечно. Клин клином вышибают. Вот видите, человек уже заговорил нормально. Правда, надо небольшими глотками пить, но он же не знал. Ничего. Жить будет. Это я как врач обещаю.

— Ну, тогда надо и боссу тоже дать...

— Не-эт. Не надо. Я уже себя нормально чувствую. Спасибо.

Максим стоял в стороне и в разговоре не участвовал. При-

шлым он не доверял. Мало ли что двое знают его отца и деда — это еще ничего не значит. Время меняет людей. Поэтому он оставался настороже, не выпуская из рук карабин. Опустив ствол в землю, был готов вскинуть его при малейшей опасности. В детстве он часто приезжал на каникулы к отцу в часть, постоянно наблюдал за занятиями десантников и мечтал быть таким же, поэтому выпитывал в себя все, что видел и слышал. Как-то раз отец ему сказал, что доверять можно только своей интуиции, все остальные могут обмануть.

Увидев, что Нечипоренко подошел к Кожемяке и они начали шептаться между собой, Макс внутренне насторожился и крепче сжал в руках оружие, осторожно положив палец на спусковой крючок. Краем глаза он увидел, что Уваров также заметил эти движения новых знакомых и потихоньку переместился поближе к ним, считая, что только эти двое могут быть для них опасны.

Но случилось иначе. Кожемяка подошел к Слащенко и сказал ему:

— Игорь Леонидович, ошибка вышла. Есть предложение — извиниться перед людьми и переехать в другое место.

— Игорь Леонидович, на той стороне озера есть еще лучше полянка, и побольше, и покрасивше. Давайте-ка я вас с Питером туда отвезу. Честное слово, никто мешать не будет, — подал голос Емельяненко. — Мы ведь никому о нашей сегодняшней встрече рассказывать не будем, правда, ребята и девчата, а?

Как будто сговорившись, все хором сказали:

— Да-да, не будем!

Слащенко, уже успокоившись, вновь принял начальствующий вид, оглядел присутствующих. Ненадолго остановив свой взгляд на голландце, который уже немного захмелел от выпитого, он медленно, но громко произнес:

— Ну и пошутили вы, мужики! Теперь хватит! Отработали. С заданием справились. Верю! — Затем обратился к голландцу: — Питер, это был спектакль в честь твоего прибытия в Чернобыльскую зону. Познакомься с моими людьми. Как тебе народ? Боевой! С такой охраной нам сам черт не страшен. Алексей! Достань из багажника ребятам выпить и закусь. Пускай погуляют за наше здоровье, а мы поедем на свое настоящее место. Яковлевич, вези!

Все, кому русский язык был знаком с детства, стояли ошарашенные. Баюлис даже рот открыл от изумления. На лице голландца обозначилась блаженная улыбка:

— О, Игор! Какой прекрасный шутка! Я всем скажу в Роттердам, какой хороший экскурсий, экстрим, острый чувства! Ты сделать хороший бизнес сюда! Турист наш к тебе ехать много, ты делать деньги, хороший деньги! У нас скучно, а здесь хорошо! Гут! Спасибо всем! До свиданья!

С этими словами голландец повернулся к машине, сделал пару шагов и чуть не упал, если бы его не подхватил Емельяненко и, заботливо обняв, не усадил на заднее сиденье «лексуса». Следом за ними в машину сел и Слащенко.

К Антоненко обратился Кожемяка:

— Извините, Николай Тимофеевич. Наш босс из всего делает бизнес. Такая уж у него натура. Можно пистолет назад? Спасибо. Леша, догоняй нас!

Когда автомобиль с важными гостями начал выезжать с полянки, Нечипоренко подошел к Антоненко:

— Извините, товарищ подполковник. Работа. Подождите минутку, я все из багажника достану.

— Ты что, Алексей, совсем одурел после армии? Чтобы я от этого лошеного кабана подачку взял? Догоняй свое начальство и баб не забудь. Не думал я, что ты таким станешь. А ведь настоящим офицером-десантником был. Ладно, иди. Встретимся когда-нибудь.

Нечипоренко покраснел и опустил голову. Попрошавшись с остальными, он прикрикнул на девчонок, чтобы быстрее садились в машину, захлопнул дверь и направил «форд» вслед за начальством.

Оставшиеся стояли и смотрели вслед удалявшимся машинам.

— Вот это приключение! Оказывается, мы чьи-то люди, на кого-то работаем и еще спектакли ставим! Умереть, не встать! Кому расскажешь, не поверят!

— Хорошо то, что хорошо кончается. Людвигович, наливай! Надо ведь нам отметить нашу победу!

— Одобрям-с! Все — за!

Только теперь Максим заметил, что его немного трясет и на лбу выступил пот, капля с брови потекла в глаз. Смахнув ее, Максим спросил у отца:

— Что делать будем, бать, а?

— А что делать? Наливай да пей! Уже все разрулили. Расслабься и забудь. Молодец. Все правильно сделал. От лица службы объявляю благодарность! Теперь дай сюда карабин, а то ты его так зажал, что еще раз выстрелить можешь.

С этими словами Антоненко-старший взял из рук сына оружие, отстегнул магазин, передернув затвор, вынул патрон из патронника и поставил карабин на предохранитель.

— Вот теперь можно дальше отдыхать.

Подошел Уваров.

— Ну что, Макс! С боевым крещением тебя. Это надо отметить. Первый раз в человека стрелял! Как ощущение? Мандража нет? Вот и славно. Янис Людвигович, налейте первую чару нашему герою, заслужил! Ему успокоиться надо. Да, рыбалка на сегодня закончилась. Уже темнеет.

— Если закончилась рыбалка, значит, будет пьянка! Наливай!

После пережитого, а также от выпитого с разрешения отца «божественного напитка» Баюлиса Максима немного развезло. Отец отвел его в палатку и приказал спать, так как завтра ему снова садиться за руль. А компания из трех героев сегодняшнего дня продолжила банкет у костра, слушая при этом, как на противоположном берегу играет музыка и раздается веселый женский смех.

И только большая полная луна, ярко светя на чистом звездном небе, старалась приблизиться к людям и как будто поглотить их...

«Блажен, кто на просторе в укромном уголке не думает о горе с ковшом вина в руке»...

Взрыв... Еще один... Яркая вспышка в глаза... Снова взрыв... Земля заходила ходуном, что-то навалилось сверху, не повернуться... Гул, сильный гул... Снова вспышка и взрыв... «Это что, сон такой? Война, что ли, приснилась? Ни хрена не понял. Что такое? Надо срочно просыпаться. Японский городской! Да я же не сплю!» Максим открыл глаза, но ничего не увидел. Было трудно дышать. Хотел подняться, но что-то держало его, сковывало движение. Снова яркая вспышка и грохот. И эта вонь, ужасная вонь. Сера, что ли?

Макс с трудом перевернулся на живот, поднял голову. «Так, надо сообразить. Где я? Где отец и все остальные? Что кругом происходит?» Гул не ослабевал, а, наоборот, набирал силу, становясь все мощнее и мощнее. Начала болеть голова, сдавило виски, руки и ноги отказывались подчиняться. Снова молния и взрыв... Нет, это не взрыв, это гром...

В проблеске света Максим наконец-то разглядел, что на него упала палатка и он, крутясь, завернулся в нее. Превозмогая головную боль, усилием воли, почти не чувствуя силы в руках и ногах, он сумел выпутаться и выполз на траву. Снова ударила молния, загрохотал гром.

А вон и отец. Катается по земле, руками за голову держится. Уваров стоит на коленях и качается из стороны в сторону, также держась руками за голову. Баюлис лежит неподвижно на земле, глаза его открыты и смотрят в одну точку в небе, у него из носа идет кровь. Что случилось, что происходит?

Вдруг раздался страшный грохот, и вслед за ним ударил свет. Земля начала быстро раскачиваться. Свет был ярко-белым, он искрился. Создавалось ощущение, что это сплошная вспышка от электросварки. Свет бил столбом откуда-то с неба прямо в центр озера. В месте соприкосновения вода бурлила, будто большой гейзер. Вокруг стало светло. Все предметы сделались прозрачными и просвечивали насквозь, как под рентгеновскими лучами. Последнее, что увидел Максим, было тело отца, вернее, скелет, завернутый в оболочку... Дальше — удар... Нестерпимая головная боль, и все... Сознание отключилось.

ГЛАВА 2

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Присяга Рабоче-крестьянской Красной армии

Сводка информбюро СССР от ... августа одна тысяча девятьсот сорок первого года:

«Войска противника возобновили наступление на Таллин и вышли к его пригородам. Войска противника вышли на рубеж Гомель, Стародуб и создали угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта. Советские войска начали отход за реку Днепр с плацдармов севернее и южнее Киева и у Черкас. Силами семнадцати дивизий и семи бригад противник предпринял штурм Одессы. Советские войска оставили город Чудово...»

«Главкомандование Юго-Западного направления пришло к заключению, что катастрофа, назревшая на правом крыле, уже не может быть предотвращена собственными силами. Для воссоздания сплошного фронта на этом участке необходимы были крупные силы, которые ни Главкомандование направления, ни Ставка выделить не могли. Единственный выход заключался в немедленном отводе войск из киевского выступа с целью создать более плотную оборону на одном из тыловых рубежей.

Двадцать второго августа сорок первого года противник обнаружил отход пятой армии генерал-майора Потапова, а также то, что двадцать седьмой корпус продолжал оставаться на месте, в связи с чем правый фланг этого корпуса обнажился. В разрыв между смежными флангами пятой армии и двадцать седьмого стрелкового корпуса была брошена одиннадцатая танковая дивизия, которая, обойдя открытый фланг корпуса, днем двадцать второго августа устремилась по дороге, идущей вдоль реки Тетерев к Днепру. Выделенный командиром корпуса генералом Артеменко из корпусного ре-

зерва семьсот тринадцатый стрелковый полк сто семьдесят первой стрелковой дивизии с одним артдивизионом был смят танками противника, и последняя, продолжая движение на северо-восток, была встречена огнем артбатарей триста пятьдесят седьмого артполка в районе Иванкова. Подавив ее, к вечеру двадцать второго августа одиннадцатая танковая дивизия вышла к мосту через реку Тетерев у Богдан. У этого пункта она была задержана отрядом пограничников и одной ротой девяносто шестого стрелкового полка до утра двадцать третьего августа. С утра двадцать третьего августа противник, введя дополнительное число танков, уничтожил этот заслон у Богдан. Двигаясь далее, одиннадцатая танковая дивизия захватила Горностайполь, а во второй половине дня двадцать третьего августа вышла к переправе через Днепр у Окунинова. Таким образом, некоторые части пятой армии, не успевшие переправиться на левый берег Днепра, оказались отрезанными от основных сил.

Значительная масса воинов вырвалась из кольца. Часть бойцов и командиров ушла в партизаны, остальные попали в плен или пропали без вести...»

Многие говорят, что тот, кто не отступал с трудными боями летом сорок первого года, тот по-настоящему не видел войны. Конечно, любое отступление — штука неприятная: отступать вообще больно и тяжело. Но одно дело, когда вынужденно отступают обстрелянные, умудренные опытом боев солдаты, которые знают подлинную цену противнику, его сильные и слабые стороны. Такие воины устраивают врагу засады, отступая, контратакуют — в общем, делают все со знанием дела и в соответствии с приобретенным мастерством. И совсем другое дело, когда отступают малоопытные, недостаточно сколоченные части и подразделения. Тут возможны паника и растерянность, нераспорядительность и отсутствие выдержки.

Дивизия, находясь в составе пятой армии, сражалась под Киевом уже более месяца. Месяц таких напряженных боев, в каких ей довелось участвовать, — это, безусловно, целая академия для каждого солдата. Но это был в основном период обороны, контратак, небольших отступлений. И вот теперь сильно потрепанным частям дивизии было приказано организовано отойти за Днепр, на его восточный берег, так как

над войсками, оборонявшими Киев, нависла угроза окружения.

Командир стрелкового полка подполковник Климович Алексей Аркадьевич, получив в штабе дивизии исчерпывающий инструктаж о маршруте отхода и промежуточных рубежах обороны, возвращался в полк мрачным. О том, что полк будет отступать в направлении Горностайполь, затем по мосту переправится на левый берег Днепра у Окуниново, он и сам раньше догадывался. Другого маршрута движения у дивизии просто не было. Этот самый оптимальный.

Нет, подполковник Климович Алексей Аркадьевич не был трусом или паникером, он знал, что надо делать, жизнь уже не раз испытывала его. Просто это было очередное испытание на мужество, на умение командира взять на себя ответственность и справиться с поставленной задачей при минимальных потерях. Он был настоящим офицером, еще той, царской закваски.

Прибыв на КП полка, обговорив все необходимые детали предстоящей операции по передислокации полка с новым начальником штаба капитаном Бондаревым и комиссаром полка старшим политруком Фридманом, Климович приказал вызвать к себе командира первого батальона.

— Разрешите, товарищ подполковник. Командир первого батальона старший лейтенант Сластин по вашему приказанию прибыл.

— Заходите, товарищ старший лейтенант, присаживайтесь. Получен приказ командующего армией на отвод армии на восточный берег Днепра. В том числе и нашей дивизии.

— Это как же так, Алексей Аркадьевич, сдаем позиции без боя? Ведь мы же еще можем здесь держаться и немцам дать прикурить. Они уже почти выдохлись. Никаких действий, подтверждающих их наступление, не совершают.

— Это на нашем участке такая обстановка. А на флангах армии сложнее. Противник пробивается с юга к Киеву. Армия может оказаться в котле. Поэтому, чтобы спасти армию от окружения, Главнокомандование приняло решение отвести ее на левый берег Днепра и создать там рубежи обороны.

— Это что, сдаем Киев?

— Нет. Киев будет наш. Просто, как говорили во времена Первой мировой, выравниваем фронт.

— А когда выдвигаемся?

— Приказано сегодня с наступлением темноты нашему полку сняться с позиций и, совершая ночные марши, выдвигаться в район населенного пункта Горностайполь, а затем к переправе через Днепр у Окунинова. Перейдя на тот берег, занять позиции. На передислокацию дается пять суток. Но для твоего батальона, Михаил Сергеевич, отдельный приказ. Сколько в батальоне осталось личного состава?

— Вместе со всеми службами чуть больше роты, сто семьдесят семь человек, три станковых и пять ручных пулеметов, два противотанковых орудия — сорокапятки, два миномета.

— Передаю под ваше командование еще три полковые пушки и три миномета. Также дополнительно получите и боеприпасы. Батальон будет прикрывать отход полка и всей дивизии.

Климович подсел поближе к комбату-один, немного помолчав, положил ему руку на плечо:

— Сколько вам лет, товарищ старший лейтенант?

— Двадцать четыре, товарищ подполковник. А что?

— На вас, дорогой мой Михаил Сергеевич, возлагается очень ответственная и трудная миссия. Когда немцы узнают, что полк ушел, они всей мощью ударят по вам. Вы должны продержаться минимум сутки. С завтрашнего утра начинайте по немцам плотный огонь, чтобы они думали, что мы собираемся наступать. Беспокойте их огнем весь день. С наступлением темноты покиньте позиции и скорым маршем направляйтесь вслед за полком. Желаю увидеть вас живым на том берегу Днепра. Все.

Климович поднялся и подозвал начальника штаба капитана Бондарева:

— Игорь Саввич, проведите с командиром батальона инструктаж о маршруте отхода и промежуточных рубежах обороны. Сообщите кодовые сигналы для радиосвязи и передайте мой приказ начальнику связи, чтобы в батальон выделили самую лучшую рацию и опытного радиста. Соберите командиров других подразделений и доведите до них приказ ко-

мандующего армией. Подготовьте соответствующий приказ по полку об отходе. Сегодня ночью выступаем.

Бондарев и Сластин склонились над картой, лежащей на столе, а Алексей Аркадьевич вышел из блиндажа. Он не мог спокойно смотреть на комбата Сластина, в сущности, еще юношу, который и жизни-то толком не видел, но по воле войны из вчерашнего ротного стал командиром батальона. Климович понимал, что оставляет этого мальчишку и весь его батальон на верную смерть. Если противник узнает, что вместо целой дивизии против него стоит один неполный батальон, и начнет наступление, то от батальона никого не останется. Но войны без потерь не бывает. Так его учили еще в кадетском корпусе: лучше потерять малое, чем потерять все.

Лунная летняя ночь. Таинственные леса Припятского края. Что кроется в их дебрях, что ждет впереди?

Андрей оглянулся назад. Не отстало ли второе орудие? Ночью на лесной дороге такая темень, что дальше десятка метров ничего не видно. Нет, идут. Сзади фыркнула лошадь, послышался чей-то кашель и стук металла о металл. Вот уже третью ночь подряд их полк, минуя населенные пункты, идет по лесным дорогам Припятского края, останавливаясь на дневку в близлежащих лесах. Буквально час назад перешли через мост очередной речки, а сколько их уже позади! Но мосты трогать нельзя. Следом за ними будет ускоренным маршем двигаться первый батальон полка, оставленный в качестве заслона на прежних позициях, если, конечно, там еще кто-то жив.

При воспоминании об оставшемся батальоне у Андрея защемило сердце. С этим батальоном остался его лучший друг по училищу, такой же, как и он, командир противотанкового артиллерийского взвода лейтенант Костик Николаенко. Весельчак, балагур и любимец девушек. Как они там воюют, выдержат ли натиск фашистов? Когда после первого ночного марша они остановились на дневку в лесу, Андрей слышал далекую артиллерийскую канонаду. Там погибали его товарищи, давая возможность им выйти живыми из окружения.

Смог бы он оказаться на месте Костика и принять неравный бой, зная, что наверняка погибнет? Да, смог. И сделал

бы это не задумываясь, лишь бы побольше уничтожить фашистов. Страх и растерянность первых дней войны уже прошли. Появился тот неоценимый боевой опыт, ради которого пришлось немало пролить своей и чужой крови. Из вчерашнего девятнадцатилетнего юнца за какую-то пару месяцев он превратился в зрелого мужчину — не по возрасту, а по увиденному в жизни. Увидел смерть друзей и врагов, его пытались убить, и он убивал. Один раз даже пришлось участвовать в рукопашном бою, когда на позицию прорвались немецкие пехотинцы. Тогда из его взвода в живых вместе с ним осталось только четверо, но всех прорвавшихся немцев они перебили. В плен никого не брали, даже пришлось добивать их раненых, так как пленных некому было сдавать. Не до того было.

До сих пор перед глазами Андрея стояло перепуганное лицо молодого немца, у которого в автомате закончились патроны и он судорожно пытался заменить магазин на новый, но не успел. Подскочивший Андрей с ходу вонзил штык-нож фашисту прямо в сердце. От полученного удара немец, схватившись руками за плечи Андрея, медленно осел на землю, широко раскрыв рот с белоснежными зубами и смотря недоуменным взглядом в глаза, будто задавал вопрос «за что?». Андрей знал за что. За то, что тот пришел незванным на чужую землю, за то, что убивал невинных людей, за то, что только что застрелил заряжающего его орудия Ибрагимова и самого Андрея хотел лишить жизни. Он враг, а врага надо уничтожать, безжалостно. Таков закон войны: если не ты убьешь, то убьют тебя. Если хочешь выжить, убей первым. Все просто и понятно. Здесь не до философии и соплей. В такие минуты все человеческое отступает, в тебе просыпается зверь, защищающий от врага себя, свою стаю и свою территорию. Но одно дело убивать врагов, а совсем другое — терять товарищей.

Это было две недели назад, когда из штаба дивизии пришел приказ о контрнаступлении. Полк пошел в атаку, даже захватил первую линию обороны противника, но немцы быстро среагировали, перебросив на этот участок артиллерию и танки. Батальон, в котором находился взвод Андрея, еле смог отойти назад и отбиться. Фашисты окружили раненых красноармейцев в какой-то ложбинке, метрах в двухстах. Пробриться к

ним на выручку не было возможности. Раненые долго кричали: «Добейте нас, братцы!» Сжав весь гнев и боль в кулак, Андрей приказал выпустить в ту сторону три осколочных снаряда. После этого крики прекратились. Погибли все. И немцы, и наши. Этот крик навсегда останется в памяти, на всю жизнь, если, конечно, он выживет в этой кровавой мясорубке.

Андрей, поправив на плече трофейный автомат, отошел в сторону:

— Второе орудие, подтянись! Левченко, не отставать! Дистанция не более пяти метров!

— Есть, лейтенант. А ну, ребята, поднажали, днем в лесу отоспимся!

С командиром второго орудия своего взвода, старшим сержантом Левченко, Андрей был с самого начала. С момента своего прибытия в часть после окончания училища.

Выпустили их, девятнадцатилетних, лейтенантами одиннадцатого июня сорок первого года, за десять дней до начала войны. Назначение лейтенант Григоров получил в Киевский особый военный округ, командиром противотанкового взвода в батарею сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек стрелкового полка. Во взводе было две пушки образца тридцать седьмого года, оснащенные клиновым полуавтоматическим затвором, обеспечивающим высокую скорострельность (до двадцати выстрелов в минуту), подрессоренными шасси и передком с зарядным ящиком, вмещавшим пятьдесят снарядов (десять подкалиберных, десять картечных и тридцать осколочно-фугасных с бронебойными). Средство тяги — по две лошади на орудие. Командиром первого орудия был сержант Крячко, а второго — старший сержант Левченко. Каждое орудие имело расчет из шести человек: командир расчета, наводчик, замковой, заряжающий, четвертый и пятый номера — правильные на раздвижных станинах. Всего в подчинении у Андрея находилось двенадцать человек. Из этих первых двенадцати в живых остались только трое. Старший сержант Левченко, наводчик Сивидов и четвертый номер Мамедов. Все остальные погибли в боях. Сейчас у Андрея на два орудия тоже было двенадцать. Но это уже новое пополнение, не первые, кадровые, а призванные из запаса или взятые из пехоты.

Начало светать. Вдоль растянувшейся колонны проскакал ординарец командира полка. Видя командира, ординарец замедлял бег своего скакуна и передавал приказ: «Через десять минут остановка движения. Подтянуться к головному. И не расслабляться».

Вот и конец движения. По сторонам от дороги сидят или лежат красноармейцы. Кто-то, прислонившись к дереву, пытается хоть немного вздремнуть, кто-то перематывает портянку или обмотку, многие, пользуясь остановкой, курят в кулак. Что любой солдат делает на марше, когда выдается свободная минутка без движения? Старается расслабиться, дать отдохнуть натруженному постоянным движением телу, проверить обувь и амуницию, чтобы было удобнее идти дальше. Конечно же справить естественные надобности. Вдоль колонны в голову проехали штабная машина, два мотоцикла с коляской и броневедомка, за ними проскакали несколько всадников. Последний всадник, задержав своего коня возле Григорова, бросил: «Всем командирам, вперед, к командиру полка, на совещание. Срочно».

— Старший сержант Левченко, остаюсь за старшего. Проверить людей, чтобы ноги не натерли, лошадей, орудия, личное оружие и амуницию. Чувствую, что днем отдохнуть не получится. Я в голову колонны. Если начнется движение, идите вперед без меня, там вас встречу. Все. Я пошел.

После гибели командира батареи Андрей стал исполнять его обязанности и в наследство ему достался вороной конь комбата Орлик. Но так как случайной миной была убита одна из лошадей с первого орудия, то Орлика впрягли вместо нее, а седло спрятали в передок. Так что Андрей временно остался безлошадным. Идя вперед по лесной дороге, Андрей рассматривал стоящие на ней автомобили и повозки, возле них копошились люди. Проходя мимо трех полковых пушек на автомобильной тяге, Андрей присоединился к старшему лейтенанту Мысину, командиру этой батареи.

— Слав, ты не знаешь, что такое? Почему встали? Сейчас не очень светло, можем километров пять еще протопать.

— Точно не знаю. Краем уха слышал, что получено срочное сообщение. Сейчас все узнаем. Пошли к штабу.

Голова колонны. Возле автомобиля командира полка полукругом расположились все оставшиеся в живых команди-

ры. Комполка подполковник Климович и начштаба капитан Бондарев склонились над картой, разложенной на капоте. Рядом с ними находился начальник связи полка старший лейтенант Дулевич и что-то докладывал. Вот с хвоста колонны подъехал мотоцикл. Из коляски вышел комиссар, старший политрук Фридман.

— Алексей Аркадьевич. Все. Полк в сборе. Все оставшиеся подтянулись. Можно начинать. Товарищи командиры!

— Товарищи командиры! Вольно! Прошу внимания! Я понимаю, что устали. Но поставленную перед нами командованием задачу мы обязаны выполнить до конца. Только что получено сообщение. Противник обнаружил отход нашей армии и ударил во фланг двадцать седьмому корпусу, прорвав его оборону. В настоящее время танки и мотопехота противника беспрепятственно продвигаются по дороге вдоль реки Тетерев к Днепру. Возникла угроза, что до нашего прибытия он может захватить Горностайполь, а затем и мост через Днепр. Если это произойдет, мы будем отрезаны от переправы. Учитывая это, нам, как самому боеспособному полку дивизии, приказано форсированным маршем занять Горностайполь и организовать оборону. Дать возможность другим частям дивизии переправиться на противоположный берег Днепра. — Климович оглядел всех присутствующих. Они внимательно его слушали. «Десятки, сотни подчиненных ждут твоего твердого и решительного приказа. Ты командир, и ты обязан все знать. Тебе подчиняются, тебе верят, по твоему приказу идут в атаку. Если в такие минуты командир проявит нерешительность, колебание, если не отдаст бойцам четкого и твердого приказа, значит, он отнимет у них главное оружие — веру в своего командира, веру в свои силы, в конечном счете — веру в победу». — Поэтому, исходя из сложившейся обстановки, приказываю. Прекратить движение скрытым маршем по лесным дорогам. С целью быстрейшего продвижения и организации обороны выйти на шоссе и совершить форсированный марш на Горностайполь. Идем двумя эшелонами. В первый эшелон включить весь автотранспорт, сконцентрировав его в голове колонны. Первый эшелон: разведка, второй батальон и артиллерия на автомобильной тяге. Личный состав рассадить по всем автомобилям, способным быстро передвигаться. Второй эшелон: все остальные. Я иду

с первым эшелонem. Начальник штаба со вторым. По дороге не растягиваться, дистанция минимальная. Арьергард — третья рота третьего батальона. Ей придается артиллерия на конной тяге. По маршруту движения организовать регулирование. Связь по радио и посыльными. Начальнику связи выдать всем радиотаблицы, проверить рации. С другими подразделениями армии не смешиваться. Нигде ни при каких обстоятельствах не задерживаться. Выполнять только мои и начальника штаба прямые приказы. Помните, какая у нас основная задача. Ни одного патрона, снаряда, ни одного предмета военного снаряжения и оружия не оставлять в руки врага. Все, что не поддается эвакуации, уничтожить. Всем сверить часы. Сейчас пять сорок. Личному составу позавтракать сухим пайком. Подготовить транспорт. Начало движения в шесть десять. Все. Вопросы есть?

— Так точно. Товарищ подполковник, а что с первым батальоном, связь есть?

— Нет. Связи нет. Как сообщили из штаба дивизии, по результатам воздушной разведки, по нашим следам движутся колонны танков и мотопехоты противника. Они отстают от нас на сутки. Еще вопросы есть? Всем понятна боевая задача? Разойдись!

Вот и нет первого батальона! Нет друга Кости Николаенко! Зная Костин характер, Андрей понимал, что тот лучше погибнет, уничтожая фашистов, чем побежит, спасая свою жизнь. Но они выстояли. Они смогли. Дали им целые сутки! Значит, погибли не зря. Спасибо, Костя! Спасибо, ребята! Вечная вам память!

Андрей, подойдя к своему взводу, хотел было дать команду позавтракать сухпаем, но этого не потребовалось. Его бойцы, сидя кружком, в центре которого, как квочка с цыплятами, расположился Левченко, дружно уминали консервы. Рядом, с мешками на мордах, также подкреплялись и лошади. Хороший ему достался командир второго орудия, толковый мужик, знает, что делать. Старше Андрея на двадцать лет, прошедший войну с японцами на Халхин-Голе и белофинскую, старший сержант Левченко Григорий Васильевич был как отец родной для всего взвода. Остальные бойцы были младше его. Все старшего сержанта уважали, да и побаивались. Он всегда знал, кто и чем дышит, мог дать дельный со-

вет и наказать провинившегося так, что тот все потом понимал с полуслова, даже с одного взгляда. Во взводе всегда был порядок, во всем.

В том памятном рукопашном бою Левченко один убил шестерых немцев. Андрей точно не помнил, как все тогда произошло, будто в кино при замедленной перемотке кадров. Он видел, как Левченко, держа в левой руке револьвер, а в правой большой изогнутый кавказский кинжал, похожий на укороченную шашку без гарды и дужки, быстро передвигаясь между немцами, как бы обволакивал каждого. После чего они валились, как снопы: кто с перерезанным горлом, кто с распоротым животом, кто с подрезанными ногами, а кто и с пулей в голове. Он же потом добивал и оставшихся раненых немцев. После боя Андрей спросил у него, откуда такой кинжал и где Левченко научился так драться. Немного помявшись, старший сержант ответил, что это отцовский подарок. А такой рукопашный бой у них наследственный. И дед так дрался, и отец, и старший брат, и вот теперь он. «Все мы — чернорабочие войны. А при такой специальности, если хочешь выжить, надо быть профессионалом, по-другому никак, иначе погибнешь», — пояснил он.

О своей семье Левченко рассказывать не любил, всегда уходил от этой темы, при воспоминании о родителях и родственниках лицо его становилось мрачным, он как-то сразу внутренне сжимался, а на глаза наворачивались слезы. Был ли он женат, никто не знал, он никому не писал писем, и ему никто не писал. Все вопросы переводил в шутку: «Моя жена — армия, а письма я командиру пишу в виде рапорта о выделении имущества на взвод». Как-то раз к нему сунулся политрук Жидков, комиссар второго батальона и парторг полка, с предложением вступить в партию, но, встретив взгляд, от которого мурашки по телу пошли, резко ретировался и больше на глаза старшему сержанту старался не попадаться. Хоть не заложил особисту, и то хорошо.

— Ну что там, командир? На, лейтенант, подкрепись. Чай, дорога еще дальняя у нас будет. — С этими словами Левченко протянул Григорову открытую консервную банку тушенки со вставленной ложкой и кусок хлеба. Затем лихо подкрутил свои усы, такие же, как у Василия Ивановича из кинофильма «Чапаев».